УДК 34

DOI 10.36511/2078-5356-2020-4-42-47

Бессонов Владимир Анатольевич
Vladimir A. Bessonov

кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (law), associate professor of the department of operational search activity of internal affairs bodies

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: kvadro-nn@yandex.ru

Дягилев Андрей Аркадьевич
Andrey A. Diaghilev

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел

Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)

candidate of sciences (law), deputy head of the department of operational search activity of internal affairs bodies

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950)

E-mail: kvadro-nn@yandex.ru

**«Вор в законе» как лицо, занимающее высшее положение
в преступной иерархии: ретроспективный анализ****“Thief in law” as a person who occupies the highest position in the criminal hierarchy: a retrospective analysis**

В статье дается ретроспективный анализ понятия «вор в законе» как лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии организованной преступности.

The article provides a retrospective analysis of the concept of «thief in law» as a person occupying the highest position in the criminal hierarchy of organized crime.

Ключевые слова: организованная преступность, оперативно-разыскная деятельность, «вор в законе», лидеры преступной среды.

Keywords: organized crime, operational search activity, “thief in law”, leaders of the criminal environment.

Рассматривая вопросы борьбы с организованной преступностью, нельзя обойти своим вниманием ее лидеров. Традиционно к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, относят, прежде всего, так называемых «воров в законе» [1].

Во многом благодаря усилиям массмедиа, определенного рода литературы, ряда представителей современного шоу-бизнеса и эстрады,

к большому сожалению, криминальная субкультура (и «воры в законе» как ее неотъемлемая часть) получила широкую известность и даже некий «романтический» ореол и до сих пор находится в обиходе. Зачастую лидеры преступной среды представляются «справедливыми третейскими судьями», «благородными разбойниками», которые могут помочь поскорее решить любые ваши вопросы или проблемы,

© Бессонов В.А., Дягилев А.А., 2020

так как государство не справляется либо действует слишком медленно. Нередко данный ореол создавался и поддерживался благодаря негласной финансовой поддержке самих лидеров преступного мира. Наиболее ярким проявлением подобной деструктивной деятельности, направленной на популяризацию криминальной субкультуры, внедрение ее в массовое сознание стало появление и стремительное развитие неформального молодежного движения «АУЕ», признанного в настоящее время экстремистской организацией, однако до этого успевшего вовлечь в орбиту криминала тысячи, а возможно, и десятки тысяч подростков.

Основой идеологии «АУЕ» является соблюдение негласного свода правил, «воровских понятий». Участники данного движения пропагандируют криминальный образ жизни, ненависть, агрессию и насилие в отношении представителей правоохранительных органов и членов общества, не поддерживающих идеологию «АУЕ» [2, с. 62].

Таким образом, криминальную субкультуру можно рассматривать как своего рода социальный институт, который, согласно Т. Парсонсу, есть «организованная система культурных представлений, норм, общих для большинства индивидов» [3].

Для того чтобы эффективно противостоять угрозам, исходящим от организованной преступности в целом и непосредственно от ее лидеров, необходимо знать основные принципы, по которым осуществляется данная деятельность, негласные правила, запреты и традиции, существующие в данной среде, которые складывались и трансформировались с начала прошлого века и до наших дней. Указанное знание позволит выявить скрытые механизмы управления внутри преступной структуры и спланировать действия, направленные на разоблачение преступных формирований, подрыв авторитета их лидеров не только в глазах соучастников, но и общества в целом.

Как уже отмечалось, наиболее одиозными лидерами преступной среды являются «воры в законе». Указанный статус лицо получает в результате коллегиального признания другими «ворами в законе» (не менее двух, но, как правило, больше) в ходе формализованной процедуры принятия в сообщество «воров в законе» и наделяния соответствующими полномочиями в преступном мире (так называемой «коронации»).

Для того чтобы понять, что представляют собой «воры в законе» в настоящее время, необходимо рассмотреть историю их появления

и становления в период существования Союза Советских Социалистических Республик и на постсоветском пространстве.

Самая распространенная версия появления «воров в законе» относит нас к советской России в 20—30 годах XX века. Смещение «старой» дореволюционной и «новой» нэпмановской криминальных элит способствовало появлению криминальных авторитетов. После событий Октябрьской революции российское общество было расколото, его оппозиционная часть пыталась привлечь на свою сторону не только недовольных, но и профессиональных преступников. В результате появился новый тип криминального лидера, привнесшего с собой в преступный мир политическую подоплеку, рассматривавшего совершение преступлений не только как способ личного обогащения, но и как способ политической, классовой борьбы, попытку подрыва устоев новой, формирующейся власти. Новый тип преступников стали называть «жиганами», как правило, они возглавляли небольшие преступные группы, часто сформированные из молодежи, массово и активно привлекали к совершению преступлений безпризорников. Данные преступные группы действовали параллельно с традиционными преступными формированиями, не вливаясь в них, а зачастую ведя преступную деятельность без оглядки на их интересы.

Старая криминальная элита — «урки» (на воровском жаргоне означает «воры, бандиты», входит в систему терминов и выражений, призванных изначально идентифицировать участников преступного сообщества как обособленную часть социума, противопоставляющую себя законопослушному обществу) или «Иваны» (пошло от выражения «Иван, родства не помнящий», которое появилось в связи с тем, что дореволюционные преступники до активного внедрения криминалистической фотографии и фотоучетов в целях противодействия полицейскому расследованию отказывались назвать свое имя и фамилию либо называли вымышленные данные, затрудняющие их идентификацию), годами формировавшие свои обычаи и нормы, воспротивились такому вмешательству «пришлых» политических во внутренние дела. Их противостояние с «жиганами» привело к настоящей войне, которая носила жесткий, порой жестокий характер. «Жиганы» не смогли долго противостоять старым «авторитетам». «Иваны», издевавшие еще царские тюрьмы и каторги, удержали «пальму первенства», потому что они лучше ориенти-

ровались в условиях изоляции от общества, их объединяли между собой многовековые традиции преступного мира [4, с. 98—99].

Именно в это время в противоположность «жиганам» уголовники старой формации стали называть себя — «вор в законе», «законный вор». Называя себя ворами, профессиональные уголовники подчеркивали, что они сознательно занимаются только «чистым» воровством и не выступают против законов и политики государства [5, с. 11].

Дальнейшее развитие институт «воров в законе» получил в 30-х годах XX века. В силу политических процессов, происходивших в данный период в стране, количество лиц, находящихся в местах лишения свободы, многократно возросло.

Осознавая всю опасность концентрации такой массы осужденных, руководство Главного управления лагерей (далее — ГУЛАГ) совместно с Главным политическим управлением (далее — ГПУ) приступило к разработке мер оперативного контроля за лицами, находящимися в местах лишения свободы. Было принято решение сделать ставку на представителей традиционной — уголовной преступности и с их помощью контролировать лиц, осужденных по политическим статьям, которых в тот момент было большинство.

Как отмечает в своей диссертации М.М. Шакирьянов: «Рекомендовалось создать контролируемые ОГПУ группировки во главе с завербованным уголовным «авторитетом», который с помощью своих «соратников» мог бы обеспечить необходимую дисциплину. Завербованные «авторитеты» не должны были «лезть в политику», им запрещалось иметь собственность сверх того, что было положено рядовому осужденному, даже на свободе они должны были находиться не более шести месяцев, иначе некому бы было контролировать политических. Однако они получали существенные послабления в режиме содержания в местах лишения свободы. Завербованные уголовники не работали и имели возможность свободного передвижения по лагерю. Администрация же лагерей обязана была всячески поддерживать авторитет этих агентов. К 40-м годам вся лагерная жизнь подчинилась вновь сформированному и окрепшему единому «воровскому сообществу». «Воры» безраздельно господствовали, не подчиняясь уже и администрации» [6, с. 8].

Очередной эволюционный виток в преступной среде произошел в период Великой Отечественной войны и сразу после ее окончания.

Дело в том, что значительное количество осужденных, особенно по нетяжким статьям, ушли на фронт, чтобы искупить свою вину кровью, воюя в штрафных батальонах. Всего за годы войны ГУЛАГ передал на фронт почти миллион человек.

Однако по возвращении к мирной жизни многие из фронтовиков вернулись к преступной деятельности и вновь оказались в местах лишения свободы. Попав в лагеря, они рассчитывали на признание своего старого статуса в уголовном мире. Однако их поступок, связанный со службой в армии, встретил резкое осуждение и непонимание у воров, оставшихся в местах лишения свободы. Немаловажным фактором была и борьба за власть в лагерях, которой никто добровольно делиться не желал. «Воров», отступивших от традиций и отслуживших в армии, стали называть «суки». Соответственно противостояние между ними и ворами старой формации получило название «сучьи войны».

Постепенно приходит осознание у криминальных лиц, прошедших войну, что получить признание своего прежнего криминального статуса и, как следствие, получить определенные преференции в среде лиц, отбывающих наказание, уже не получится. Так, в 1948 году на пересылке в Ванинский порт был объявлен новый свод криминальных правил. Были разработаны ритуалы, пройдя через которые осужденные обозначали, чью сторону они занимают в данном противостоянии — «воров» либо их оппонентов из числа лиц, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны. Одним из таких ритуалов было целование ножа. Поцеловавший нож терял всякие права в воровском мире и навсегда становился «сукой». Отказников убивали, но не просто, а перед смертью еще и «трюмили» — избивали и давили металлическими дверями [7].

Аналогичную нетерпимую позицию занимали и «воры» к тем, которые, по их мнению, отступили от традиций смерти. Указанный период неслучайно назван «войной», поскольку криминальный мир разделился на два лагеря, определенные места лишения свободы и пересылки контролировали представители того или иного криминального течения. Идеологическим противникам сначала предлагали отказаться от своих убеждений и перейти на другую сторону, в случае отказа жестоко убивали. Указанные противоречия использовались представителями администрации ГУЛАГ. Известны случаи, когда формировались достаточно крупные группы из числа воров либо их оппонентов, которые

«гастролировали» по лагерям и пересылкам, расправляясь с неугодными администрации лицами или группами из числа их идеологических противников. Кроме того, необходимо отметить, что указанное противостояние вышло и за пределы мест лишения свободы. Столкновения между непримиримыми противниками продолжались и на воле.

Наиболее активная фаза данного противостояния длилась с конца 40-х до середины 50-х годов XX века. Обе стороны изрядно сократили общее количество своих представителей. Снижение общего количества «воров в законе» позволило организовать их отдельное содержание от иных категорий осужденных лиц, а также усилить контроль за их деятельностью в местах лишения свободы.

Со второй половины 50-х годов XX века администрацией исправительных учреждений активно стала осуществляться деятельность, направленная на развенчание культа уголовных «воровских» традиций. В этих целях был создан специальный лагерь, в который переводили «воров в законе» из других мест лишения свободы. При этом криминальные авторитеты оказывались в специальных лагерных пунктах, где не было иных категорий осужденных. В результате они ставились перед выбором — или нарушить свои правила и начать работать (убирать в камере, стирать и т. п.), или заставить это делать других воров, нанеся тем самым серьезный ущерб их авторитету.

В результате «ворам в законе» становилось все труднее придерживаться «неписаных правил» и между ними стали возникать конфликты, многие из них были вынуждены сотрудничать с администрацией. Кроме того, с «воров» стали брать подписку о прекращении преступного образа жизни. Данные факты отказа «воров в законе» от криминальных традиций активно освещались в средствах массовой информации, например, путем публикации в газетах писем расклевывавшихся «воров в законе» [8, с. 64].

Важное место в пропагандистской работе отводилось разоблачению культа честности и идейности «воров». Понимая, что многие осужденные верят «ворам», администрация мест лишения свободы стала предавать гласности факты отступления их от «воровского закона». Использование компрометирующих данных оказывало сильное воздействие не только на «воров в законе», но и на других осужденных. Появлялись факты сокрытия некоторыми «ворами» своей принадлежности к группировке, что сразу влекло исключение из нее [9, с. 118].

В результате проведенной работы начался постепенный распад преступных сообществ в местах лишения свободы, что, однако, было ошибочно воспринято руководством МВД «как окончательное разрушение преступных организаций и исчезновение их традиций и обычаев» [10, с. 39].

Однако криминальный мир смог отреагировать на понесенные им потери. Так, в середине 60-х годов XX века, учитывая общее снижение количества традиционных «воров в законе», происходит трансформация структуры «воровских» группировок, связанная с изменением требований к лицам, допущенным для участия в них. В них стали допускаться авторитетные осужденные, не имеющие статуса «вора в законе». Представители указанной категории стали основной опорой «воров». Там, где не было «воров», абсолютными хозяевами зоны стали так называемые «положенцы» (т. е. живущие на положении «воров»). Как правило, именно из числа вышеуказанных лиц подбирались кандидаты в «воры в законе».

Для укрепления своих позиций новые «воры» старались привлечь на свою сторону молодежь. Для этого они отступили от ряда криминальных традиций, поддерживаемых ворами старой формации, стали демонстрировать роскошный образ жизни: посещать дорогие рестораны и места отдыха, общались с представителями богемы, имели дорогие иномарки, дома и иные предметы роскоши. По причине демонстрации своих богатств они были вынуждены большое внимание уделять своей безопасности. В этой связи, кроме появления личной охраны, все активнее устанавливаются коррупционные связи с представителями правоохранительных органов и органов власти.

Постепенно осознав привлекательность подобного образа жизни, на сторону «воров» новой формации переходит значительное количество криминальных авторитетов.

В этот же период наблюдается завершение отхода от старых «воровских» традиций, которые предписывали «ворам в законе» не жить в роскоши, не работать, не вступать ни в какие организации, особенно государственные, поскольку дальнейшее их соблюдение мешало личному обогащению и укреплению власти [11, с. 125].

«Воры в законе» фактически перестают принимать участие непосредственно в совершении преступлений, сосредоточиваясь на управленческой, организационной и идеологической деятельности. Сфера их первоочередных инте-

ресов прежде всего распространилась на установление контроля за объектами экономики.

Кроме того, с их стороны предпринимаются активные попытки легализации как преступно нажитых доходов, так и личной легализации путем поддержания имиджа уважаемого представителя бизнеса. С этой целью они устанавливают тесные отношения с чиновниками, представителями культуры и шоу-бизнеса, иными известными персонами.

Несмотря на активные попытки проникновения в экономическую сферу жизнедеятельности государства, «воры в законе» не отказываются и от традиционных для них способов заработка, к которым относится, прежде всего, контроль за незаконным оборотом наркотиков, организацией нелегальной миграции и использования труда мигрантов (особенно характерно для этнических преступных групп), проституцией, совершением краж автотранспорта и квалифицированных квартирных краж.

Еще одной серьезной статьей доходов лидеров преступной среды является контроль за местами лишения свободы (следственными изоляторами и исправительными колониями). Под негласным контролем «воров в законе» находится определенное количество мест заключения, где ими назначаются так называемые «смотрящие», которые от имени «вора» регулируют негласные процессы жизни лиц, в них содержащихся.

В настоящее время в местах лишения свободы выстроена схема, направленная на изъятие денег у лиц, туда попадающих. Так, лицам, следственно арестованным или осужденным к лишению свободы, под различными предложениями («сбор в общак», «грев» штрафного изолятора и больницы якобы на подкуп администрации, чтобы та «закрывает глаза» на нарушения режима содержания — наличие телефона, запрещенных предметов, веществ и др.) предлагается передать деньги путем их перечисления его родными и близкими на счета, указанные так называемыми «смотрящими». Также достаточно распространенным является и банальное вымогательство, осуществляемое порой под надуманными предложениями, называемое на криминальном жаргоне «игрой в обезьянки».

При этом необходимо отметить, что указанная ситуация невозможна без попустительства администрации следственных изоляторов и колоний либо без их непосредственного сговора с представителями организованной преступности. Причинами такого сговора может быть как корыстная коррупционная заинтересованность

сотрудников ФСИН, так и их боязнь волнений и беспорядков в среде содержащегося в учреждении контингента, который могут спровоцировать «воры в законе» либо их представители.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что за прошедшие практически сто лет с момента своего возникновения воровское движение перетерпело серьезные изменения. Сформировавшись как объединение профессиональных преступников, старающихся дистанцироваться от любых контактов с представителями органов власти, а на некоторых этапах своего развития и противопоставляющее себя им, в настоящее время его лидеры активно ищут способы легализации и вхождения во власть либо получения рычагов влияния на нее. Для этого они активно стараются установить контроль над различными объектами, а порой и отраслями экономики.

Примечания

1. Рагулин А.В., Фефелов В.В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право. 2010. № 5. С. 67—70.
2. Антонов И.Ю., Бессонов В.А., Дягилев А.А., Ёжиков Д.С. [и др.]. Криминальная татуировка: учебно-наглядное пособие. Н. Новгород, 2019.
3. Ядов В.А. Социальные институты // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1. С. 4—13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-instituty/viewer> (дата обращения: 30.10.2020).
4. Ефимкин М.С. Роль «воров в законе» в организации преступной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 4; Откуда пошел «вор в законе». URL: <https://aif.ru/archive/1722131> (дата обращения 30.10.2020).
5. Сидоров А.А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга первая (1917—1940 г.г.) // ЛитМир. Электронная библиотека «Фима Жиганец». URL: <https://www.litmir.me/br/?b=253293&p=1> (дата обращения: 31.10.2020).
6. Шакирьянов М.М. Преступные традиции среди осужденных в исправительных учреждениях и борьба с ними: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004.
7. Война воров: неизвестная гражданская война в СССР. URL: <https://analitic.livejournal.com/218789.html> (дата обращения: 31.10.2020).
8. К честной трудовой жизни (сборник писем осужденных). М.: Издание ГУИТК МВД СССР, 1957.
9. Гуров А.И. Красная мафия. М., 1995.
10. Анисимов В.М. Тюремная община: «вехи» истории. М., 1993.

11. Макаров Е.И. Про воров и оперов. Автобиографическая повесть. 2-е изд. Н. Новгород, 2017.

References

1. Ragulin A.V., Fefelov V.V. On the concept of a person who occupies the highest position in the criminal hierarchy. *Criminal law*, 2010, no. 5, pp. 67—70. (In Russ.)
2. Antonov I.Yu., Bessonov V. A., Diaghilev A.A., Yezhikov D. S. [et al.]. Criminal tattoo: educational and visual aid. Nizhny Novgorod, 2019. (In Russ.)
3. Yadov V.A. Social institutions. *Man. Community. Management*, 2006, no. 1, pp. 4—13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-instituty/viewer> (accessed 30.10.2020). (In Russ.)
4. Efimkin M.S. The Role of “thieves in law” in the organization of criminal activity. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia*, 2010, no. 4; Where did the “thief in law” come from. URL: <https://aif.ru/archive/1722131> (accessed 30.10.2020). (In Russ.)
5. Sidorov A.A. Great battles of the criminal world. History of professional crime in Soviet Russia. The first book (1917—1940). *LitMir. Electronic library “Fima Zhiganets”*. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=253293&p=1> (accessed 31.10.2020). (In Russ.)
6. Shakiryanov M.M. Criminal traditions among convicts in correctional institutions and the fight against them. Dissertation... candidate of legal sciences. St. Petersburg, 2004. (In Russ.)
7. Thieves war: the unknown civil war in Soviet Union. URL: <https://analitic.livejournal.com/218789.html> (accessed 31.10.2020). (In Russ.)
8. To an honest working life (a collection of prisoners' letters). Moscow: Publishing GUID MVD of the USSR Publ., 1957. (In Russ.)
9. Gurov A.I. Red mafiya. Moscow, 1995. (In Russ.)
10. Anisimov V.M. Prison community: “milestones” of history. Moscow, 1993. (In Russ.)
11. Makarov E.I. About thieves and ops. Autobiographical story. 2nd ed. Nizhny Novgorod, 2017. (In Russ.)